
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Институт искусств и культуры
Кафедра музеологии,
культурного и природного наследия

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ:
ТРУДЫ МУЗЕЕВЕДОВ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Издательство
Томского университета
2019

**РЕЧЬ А.К. КУЗНЕЦОВА,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПО СЛУЧАЮ
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1929), сын херсонского купца, после окончания Московского коммерческого училища учился в Петровской земледельческой и лесной академии (совр. Российский государственный аграрный университет), увлекался гербаризацией, писал научную работу о «низших вредителях в сельском хозяйстве». Вовлеченный в террористическую деятельность народнического нечаевского кружка, был обвинен в убийстве студента, арестован и в 1871 г. приговорен судом к каторжным работам. Кузнецов отбыл шесть лет на Карийской каторге, после чего был переведен на поселение, а позже перебрался в Нерчинск, где занимался огородничеством, а также фотографированием (и этим зарабатывал на жизнь). В 1886 г. он открыл первый на восточносибирских территориях публичный Нерчинский музей. Чуть позже, переехав в Читу, административный центр Забайкальской области, участвовал в формировании Забайкальского областного отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, много лет руководил созданным при отделении музеем, превратив его в научно-культурный очаг всей восточной части России. В 1906 г. А.К. Кузнецов вновь был арестован и по обвинению в участии в революционных событиях приговорен к каторжным работам в Якутии. Благодаря ходатайству влиятельных друзей и коллег по музейной работе он получил разрешение поселиться в Якутске, где ему удалось вернуть к жизни заглохший местный музей, созданный еще в конце XIX в. В 1913 г. Кузнецову было дозволено возвратиться в Читу, и он занялся

восстановлением пострадавшего от пожара Читинского музея, которым руководил более 15 лет.

К 50-летию Императорского Русского географического общества, в январе 1896 г., А.К. Кузнецов подготовил строго документированный обзор истории исследований восточных территорий Северной Азии, начиная с пребывания Мессершмидта, Гмелина, Миллера и завершая трудами Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, В.А. Обручева. Характерно, что научные труды членов сибирских отделов и подразделов Географического общества тесно увязывались Кузнецовым с музейной деятельностью, с формированием Читинского, Красноярского, Минусинского, Кяхтинского музеев. Первым среди музееведов А.К. Кузнецов собрал и систематизировал достоверные сведения о создании Иркутского музея, открытие которого ознаменовало начало музейного дела в Азиатской России. Давно ставший библиографической редкостью доклад А.К. Кузнецова серьезно корректирует современные представления о научных исследованиях и развитии музейного дела Северной Азии конца XVIII – второй половины XIX в.

Н.М. Дмитриенко

Я счастлив, что на мою долю выпала честь говорить в такой торжественный день, как сегодня, когда мы, члены одной из отдаленнейшей и слабейшей ветвей центрального Императорского Русского географического общества, собрались праздновать его пятидесятилетний юбилей.

Но прежде, чем сказать о возникновении географического общества, почтить память его основателей и обрисовать в кратких словах его громадные заслуги на поприще науки и его влияние на культурное развитие России вообще, позвольте мне сделать историческую справку о трудах, предпринятых с целью исследования России, ее азиатских окраин в предшествующую эпоху, когда изучение не имело еще систематического и преемственного характера и велось как отдельными лицами, так и снаряжаемыми Правительством экспедициями. Конечно, невозможно исчерпать столь обширный вопрос в пределах краткого сообщения; поэтому

я ограничусь тем, что укажу на то, что было сделано в прошлом столетии для исследования Сибири и в частности Забайкалья. Затем, указав на организацию и деятельность географического общества и охарактеризовав могучий импульс, данный им русской географической науке, я перейду к той стороне его деятельности, которая для нас, жителей дальней окраины, представляет наибольший интерес: к той нравственной, отчасти и материальной, помощи, которую оно в состоянии оказывать местным силам, группирующимся под знаменем географического общества для местных исследований.

Интерес к изучению окружающей нас природы при помощи точных научных методов, с музеями и библиотеками как пособиями возник сравнительно недавно. Но собирание разных редкостей, в большинстве случаев ради одного любопытства, и у нас началось давно. Еще Петр Великий собирал всевозможные редкости как за границей, так и в России для основанной в Москве при главной аптеке, а затем переведенной в Петербург в летний дворец Кунсткамеры, всем известной теперь только по басням дедушки Крылова.

В 1721 году был даже издан Указ: «Курьезные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому губернатору или кому где надлежит, настоящею ценою и, не переплавливая, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию»*.

** Полное собрание
законов Российской
империи с 1649 года.
СПб., 1830. Т. 6, № 37389
(прим. автора).*

Гениальнейшим Великим Петром было положено и начало изучению Забайкальской области: в 1720 году, т. е. ровно 175 лет тому назад, выехал для исследования Сибири вызванный из Германии ученый доктор Даниил Готтлиб Мессершмидт.

С 1722 года, в течение 7 лет, он изучал Сибирь и между прочим Даурию, Нерчинск, Далай-Нор и Монгольскую степь. Имея в инструкции приказ собирать разные редкости, он обращался к властям с просьбами доставлять ему «всякие к древности принадлежащие вещи, якобы языческие шайтаны (кумиры), великие мамонтовы кости, древние калмыцкие и татарские письма и их праотческие письмена; также каменные и кружечные могильные образы».

Возвратившись в Петербург (в 1729 году), уже после смерти Петра Великого, Мессершмидт привез разные предметы по естествознанию, археологии (древности металлической эпохи) и обширные материалы по географии, орнитологии и т. д. Крайне жаль, что громадные и интересные дневники Мессершмидта (на немецком языке) остаются до сих пор не изданными Академией наук, и мы знаем о них кое-что только по отрывочным сведениям, приводимым позднейшими исследователями, из которых Паллас наиболее воспользовался его трудами. Насколько велики труды Мессершмидта, можно судить по его *Mantissa ornitologica*, находящихся в академической библиотеке и состоящих из 18 томов.

При изучении Сибири Мессершмидт нашел себе помощника, а затем и друга, в лице шведа Филиппа-Иогана Тибберта, взятого в плен после Полтавской битвы и сосланного в Сибирь, где он жил до заключения мира с Швецией. По возвращении на родину Тибберт получил дворянское звание и фамилию Страленберга, под каковым именем он более известен. Тибберт собрал много сведений о Сибири и составил ее карту; в 1730 году он издал на немецком языке описание своих путешествий, заслужившее общее внимание, но не переведенное на русский язык*.

* *Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historischgeographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten und yielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellt etc. von Philipp Iohann von Strahlenberg. Stockholm, 1730 (прим. автора).*

С открытием Академии наук (12 ноября 1725 года) на средства правительства был снаряжен ряд экспедиций, из которых некоторые изучали Забайкалье и особенно восточную часть его, Даурию, или Закаменье, лежащую по сю сторону Яблонового хребта.

Академией наук была снаряжена так называемая Вторая Камчатская экспедиция, или Великая северная экспедиция, начавшая исследования с 1733 года и продолжавшаяся 11 лет; экспедиция была разделена на две части: одна, под управлением Беринга, должна была совершить плавание к берегам Америки, другая отправиться через Сибирь в Камчатку сухим путем. В экспедиции принимали участие молодые ученые: натуралист Иоганн-Георг Гмелин, историк Герард-Фридрих

(иначе Федор Иванович) Миллер, профессор истории Фишер, астроном Делиль-де-Крайер (старик), адъютант Стеллер, студент Академии Крашенинников (оставивший замечательный труд о Камчатке), четыре студента, четыре землемера, переводчик, рисовальщик, живописец и инструментальный ученик. «Это была одна из замечательнейших ученых экспедиций, — говорит А.Н. Пыпин, — какие предпринимались для исследования Сибири». «Путешествие в то время соединялось с большими затруднениями: исследователи должны были почти все наблюдать и разыскивать в первый раз; самые категорические предписания из Петербурга к местным властям о содействии трудам экспедиции не избавили путешественников от крупных и мелких хлопот, и, несмотря на то, в трудах экспедиции остались замечательные исследования, которые положили начало дальнейшим изысканиям сибирской природы, этнографии и истории»*.

Фридрих Миллер работал в сибирских архивах и несколько лет особенно усердно трудился в одном из древнейших архивов Забайкалья — Нерчинском**.

Этого замечательного исследователя не по одной только истории, но и по этнографии и другим отраслям знаний справедливо называют отцом сибирской истории. Несмотря на огромные и ценные собранные им материалы, он мог издать всего 1 том своих трудов под названием «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена; сочинено Герардом Фредериком Миллером, историографом и профессором университета Академии наук и Социетата аглинского членом». (Второе издание. СПб.,

* Пыпин А.Н. История русской этнографии: в 4 т. СПб., 1890–1892. Т. 4. С. 224 и многие др. (прим. автора).

** Из-за безграничного невежества представителей городского управления г. Нерчинска, в 1878 г. драгоценнейший архив в течение нескольких дней был вывезен на лошадах пожарной команды и свален под берег р. Нерчи. В то же время был вывален под берег р. Нерчи замечательный по своей полноте гербарий, составленный в течение нескольких десятков лет М.А. Зензиновым, выдающимся местным любителем естествознания, членом многих ученых обществ. Насколько был велик гербарий, можно судить по уцелевшей карпологиической коллекции, имеющей более 1000 видов семян (коллекция эта Нерчинским музеем передана в музей Читинского отделения). По основанию Нерчинского музея (1886 г.) были найдены в забытом заброшенном амбаре (во дворе полицейского управления) остатки от его же когда-то больших минералогических коллекций, которые послужили основанием коллекции Нерчинского музея. После смерти М.А. Зензинова (1873 г.) осталось также много рукописей, бумаг, дневников, особенно по метеорологии, введенных более 20 лет, но и они частью были расхищены и употреблены на оклейку стен (прим. автора).

1787). Как продолжение сибирской истории были напечатаны только отдельные главы по-немецки в «Sammulung russischer Geschichte», а по-русски – в издававшихся Миллером «Ежемесячных сочинениях», где он поместил, между прочим, краткий обзор сибирской истории.

Продолжателем по разработке истории Сибири, по предложению Миллера и на основании собранных им материалов, был назначен академик профессор Иоганн-Эбергарт Фишер. Он выехал из Петербурга в Сибирь в 1739 году и пробыл здесь около 9 лет, но работами в архивах почти не занимался; в 1741 году он посетил также и Нерчинск для разборки архивов.

Воспользовавшись исключительно готовыми трудами Миллера, он написал «Историю Сибири» по-немецки, переведенную потом на русский язык под заглавием: «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная» (СПб., 1774).

В 1735 году вместе с Миллером в Забайкалье приехал Гмелин, трудившийся особенно много по ботанике и открывший столько новых растений, сколько, по отзыву знаменитого Линнея, открыли их другие ботаники вместе взятые.

В его классическом труде «Сибирская флора» описано 1178 растений с приложением 300 рисунков*; кроме того, им издано несколько томов путешествия. Но самый интересный труд Гмелина – «Дневник», напечатанный в Геттингене в 1751–52 годах на немецком языке, в свое время был признан у нас «сумнительным». Несмотря на прошедшие 150 лет книга эта не лишена интереса, так как в ней подробно описаны посещенные места, картины грубых нравов общества, взяточничество чиновников и т. д., но книга эта и до сих пор остается не переведенной на русский язык. Насколько исследования Миллера и Гмелина были обширны и вместе с тем разносторонни, можно отчасти судить по огромному пройденному ими пути. По расчету Миллера, он проехал по Сибири более 30 [тысяч] верст, а Гмелин – 31357 верст.

Еще более известна в ученом мире по богатству научных результатов экспедиция, снаряженная для исследования

* *Gmelin J.G. Flora Sibirica sive historia plantarum sibiriae. Petropoli, 1747–1769*
(прим. автора).

Сибири в царствование Императрицы Екатерины II под начальством знаменитого ученого Петра-Симона Палласа. Экспедиция, отправившаяся в путь в 1768 году, была очень многочисленна, так что ее можно считать как бы странствующей академией. Кроме Палласа, в ней принимали участие натуралисты и этнографы: Гмелин-младший, Георги, Фальк, Гильденштетт, Лепехин, астроном Эйлер с своими помощниками, «студенты»: Соколов, Зуев, кроме того, Рычков и др. В Европейской России и Сибири они должны были произвести исследования «природы, племен, народного быта, промысла, древностей и достопримечательностей».

Паллас, путешествовавший всего 6 лет, пробыл в Забайкалье с 1771 года по 1773 год. Переправившись через Байкал, он поехал в Кяхту, где изучал китайцев, затем по Селенге проехал в Даурию. Здесь его поразила оригинальная природа, невиданные формы растений, животных и т. д. «Различные глыбы гор, – говорит Паллас, – приводящие в удивление своей формой и положением, долины, покрытые приятной зеленью, березовые и осиновые рощицы, покрывающие в разных местах вершины гор с северной стороны, множество оленей и других диких зверей, еще большее обилие различных птиц в это весеннее время года – все это делает эту страну такую приятною, что приятнее и уединеннее нельзя и желать, и я никогда в свою жизнь ничего не видел лучше. Такая волшебная обстановка, а особенно множество в полном цвету растений на южной стороне гор привели меня в восхищение... Начиная с Урала до самого Байкала, я не собрал нигде столько замечательных произведений природы, сколько в одной Даурии, нигде эти произведения не были в таком обилии и совершенстве, как в Даурии и в нагорной стороне за Байкалом».

По возвращении из путешествия Паллас издал целый ряд ученых трудов, один из них переведен с немецкого языка на русский под заглавием: «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773–1788. Т. 1–5)*. Сочинения Палласа и до сих пор служат авторитетным источником при изучении

** Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. СПб., 1771–1776. Т. 1–3; Sammlung historischen Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. СПб., 1776–1801. Т. 1–2; Neue nordische Beiträge. СПб.; Лейпциг, 1781–1796. Т. 1–7 (нрум. автора).*

сибирской природы, этнографии и археологии. В свое время открытиями Палласа, особенно в неведомой Сибири, Европа была поражена не менее, чем на нашей памяти она поражалась открытиями в Центральной Азии, сделанными нашим славным путешественником Н.М. Пржевальским.

Сотоварищ и спутник Палласа, также замечательный ученый, Иоганн Готлиб Георги проехал Сибирь только до Даурии, впрочем, в 1772 году посетил юго-западную часть Витимского плоскогорья и сделал его краткое описание; он работал по геогнозии, ботанике, а главным образом по этнографии. В этой последней области ему принадлежит первый всесторонний обширный труд, в котором собраны ценные сведения о сибирских инородцах, а в числе их и о наших бурятах. Его сочинение, вышедшее одновременно на немецком и русском языке, носит заглавие «Описание всех, обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей».

Следует еще упомянуть о путешествиях и исследованиях академика Эрика Лаксмана, который в 1766 году предпринял путешествие на восток Сибири, причем доехал до Кяхты, а потом до Стретенска; он посетил Туркинские минеральные воды и первый указал на их целебные свойства. Везде он собирал коллекции, интересовался этнографией и лингвистикой; он первый указал письма на скалах р. Джиды в юго-западной части Забайкальской области. Привезенные Лаксманом в Петербург из Сибири коллекции заинтересовали весь ученый мир. Но Лаксман не поладил с академическим начальством, оставил свою профессию в Академии по химии и экономии и в 1780 году приехал в Нерчинск на должность горного советника; в 1783 году он исправлял должность нерчинского исправника; затем переехал в Иркутск, где и продолжал свою деятельность*.

Всеми упомянутыми исследователями XVIII века в Петербург привозились обширные и очень ценные коллекции по естествознанию и этнографии, разные древние предметы, преимущественно металлические из

* Сукачев В.П., ред.
Иркутск. Его место
и значение в истории
и культурном развитии
Восточной Сибири.
М., 1891. С. 179
(прим. автора).

курганов, а также и сведения о древних памятниках. Несмотря на то, что в 1728 году, т. е. через 3 года после смерти Петра Великого, коллекции Кунсткамеры были переданы Академии наук, несмотря на то, что в конце XVIII столетия в Академии ими заведовал знаменитый ученый Паллас, перед которым благоговела вся Европа, – от коллекций, собранных в Сибири, не осталось почти никаких следов; правда, этому отчасти способствовал и пожар Кунсткамеры, бывший в 1747 году.

С передачей Кунсткамеры в ведение Академии наук коллекции продолжали носить кунсткамерный характер: чучела животных, большею частью в неестественных позах, физические инструменты, насекомые, оружие, шкуры животных – все это было перемешано, расположено красивыми группами, и только в 1830 году с назначением заведующим коллекциями знаменитого европейского ученого К.М. Бэра, а затем Ф.Ф. Брандта (1831 год) все материалы были классифицированы по строго научной системе, и с тех пор коллекции начали служить пособиями при научных работах; слово кунсткамера было заменено словом музей. С преобразованием учреждение это начало быстро развиваться и теперь считается нашей национальной гордостью. В настоящее время один только Зоологический музей Академии [наук], коллекции которого пополняются преимущественно экспедициями, снаряжаемыми Императорским Русским географическим обществом, имеет более 50 тыс[яч] предметов и справедливо признается одним из лучших в Европе. В этом музее работают многие из знаменитейших европейских ученых, и он насчитывает 50–60 тыс[яч] посетителей в год.

Из этого краткого обзора мы видим, что важность географических исследований вполне сознавалась правительством в прошлом столетии, и что тогда не было недостатка в людях науки, совершавших дальние и трудные путешествия и возвращавшихся с богатым запасом научных материалов.

Но в этой научной деятельности не было надлежащей преемственности, последовательности и системы, что следует приписать несовершенству тогдашней организации и характеру того учреждения, которое стояло во главе русской науки и просвещения – Академии наук. На ее долю

выпала целая масса разнообразнейших и труднейших задач. При ней находились гимназия, университет, типография, литография и много других дел, не имевших никакого отношения к научным работам. Понятно, что учреждение со столь универсальным характером и принужденное так разбрасываться не могло сосредоточиться на одной какой-нибудь отрасли научной деятельности. Если руководящая роль, которую Академия наук играла в географических исследованиях в прошлом столетии, удовлетворяла потребностям того времени, то в новейшее время, когда с особенной силой проявилась необходимость специализации в деле научных исследований, у нас заявляли еще в [18]20-х годах о потребности основать такое общество, которое всецело посвятило бы себя географии и связанным с нею наукам, явилось бы надежным хранилищем для всех добытых на этом поприще материалов и результатов и в то же время давало бы импульс научной деятельности и изысканиям в этой области. Запросу этому должно было удовлетворить основанное в 1845 году Русское географическое общество.

Прежде, нежели говорить об Императорском Русском географическом обществе, скажем несколько слов относительно возникновения вообще географических обществ в других государствах.

Географическое изучение разных стран началось еще в XVII столетии, но такое изучение носило характер преимущественно коммерческий. Только в 1821 году в Париже возникло первое географическое общество (*Société de Géographie*) с программой чисто научного характера. Затем географические общества одно за другим начали быстро возникать во всех главных городах не только Европы и Америки, но и Азии; в 1831 году в Бомбее возникло первое географическое общество. В 1845 году, когда основано Императорское Русское географическое общество, было всего 8 географических обществ, теперь же их насчитывается более 120 с 60 тысячами действительных членов. Количество трудов, изданных этими обществами, колоссально: достаточно указать, что в настоящее время издается до 160 одних специальных географических журналов, из которых 14 выходят на русском языке.

Деятельность по изучению географии выражается еще и в Национальных конгрессах, которые в некоторых европейских государствах собираются почти ежегодно, а затем в Международных географических конгрессах и съездах, на которые собираются ученые всего мира; таких международных конгрессов по настоящее время было 6.

В сороковых годах [XIX века] под влиянием только что совершенного замечательного путешествия А.Ф. Миддендорфа на Таймырский полуостров и в Приамурский край* небольшая группа таких корифеев науки и академиков, как К.М. Бэр (натуралист), В.Я. Струве (астроном), Г.П. Гельмерсен (геолог), П.И. Кеппен (статистик), А.И. Левшин (этнограф), В.И. Даль (лингвист), К.И. Арсеньев (географ и статистик), во главе с адмиралом Ф.П. Литке как главным организатором географического общества и с целой плеядой географов и путешественников, между прочим, составивших свою славу исследованиями в разных краях Сибири и лиц с высшим положением в государстве, – решили организовать Русское географическое общество, ввиду того, что была признана необходимость более систематического изучения русской народной жизни и необходимость сосредоточить географические изыскания, которые до тех пор велись разъединенно, не имели одного общего специального органа. Членов-учредителей общества было 17 человек: четыре адмирала – Ф.П. Литке, И.Ф. Крузенштерн, барон Ф.П. Врангель и П.И. Рикорд; четыре академика – К.М. Бэр, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен и П.И. Кеппен; три офицера главного штаба – генерал М.П. Вронченко (геодезист), Н.М. Муравьев (управляющий межевым корпусом, впоследствии виленский генерал-губернатор), генерал-квартирмейстер Ф.Ф. Берг (впоследствии наместник в Царстве Польском) и деятели на разных поприщах: А.И. Левшин, К.И. Арсеньев, В.И. Даль, оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский, литератор князь Одоевский, путешественник по Алтаю и Малой Азии П.А. Чихачев. К сожалению, нужно сказать, что ни

** На обратном пути из Якутска Миддендорф прошел через Становой хребет и спустился к слиянию Шилки с Аргунью, куда прибыл 14 января 1845 г., а 5 марта возвратился в Петербург (прим. автора).*

один из них не дожил до празднуемого теперь юбилея, который, впрочем, есть апофеоз их славной деятельности. Временный Устав общества был Высочайше утвержден 6 августа 1845 года, с ежегодной субсидией в 10 т[ысяч] руб[лей], увеличенной с 1871 года до 15 т[ысяч] р[ублей], и вместе с тем последовало Высочайшее соизволение на принятие звания председателя Великим князем Константином Николаевичем [Романовым], в кабинете которого, в Зимнем дворце, впервые, в определенной форме и была высказана мысль об образовании Русского географического общества. Полвека Великий князь неустанно заботился о преуспевании географического общества и горячо интересовался его деятельностью. Общество высоко чтит своего первого председателя и навсегда сохранит о нем благодарную память. По смерти Великого князя 19 февраля 1892 года последовало новое Высочайшее соизволение на принятие звания председателя Великим князем Николаем Михайловичем [Романовым].

Таким образом, через 24 года после основания первого в Европе географического общества возникло наше Русское географическое общество, которое быстро приобрело общее сочувствие и доверие, и уже 28 декабря 1846 года оно [было] наименовано Императорским.

Со дня 25-летия покровителями общества состоят царствующие императоры. В Высочайшем рескрипте, данном Императорскому Русскому географическому обществу (22 декабря 1894 года), сказаны следующие многознаменательные слова: «Следя за успехами наших познаний о русских азиатских окраинах и внутренней Азии, я имел случай убедиться, какую пользу принесли труды географического общества и его отделов дорогому нам Отечеству. Уверенный, что географическое общество и впредь будет продолжать развивать свою деятельность на пользу и на славу Отечеству, выражаю ему и его отделам мое благоволение и с готовностью принимаю звание покровителя Императорского Русского географического общества».

Первое собрание членов учредителей общества состоялось 19 сентября 1845 года в квартире В.И. Даля, где единогласно был избран помощником председателя вице-адмирал

Ф.П. Литке, почетным членом – Л.А. Перовский и 51 лицо действительными членами, а первое общее собрание было 7 октября в здании Академии наук, в присутствии 48 членов, причем были избраны члены совета и управляющие четырьмя отделениями общества.

В 1849 году временный Устав общества был переработан и утвержден окончательно. По этому Уставу Императорское Русское географическое общество «имеет целью собирать, обрабатывать и распространять в России географические, этнографические и статистические сведения вообще и в особенности о самой России, а также распространять достоверные сведения о России в других странах». Для выполнения своей программы Общество имеет четыре отделения: географии физической, географии математической, статистики и этнографии; каждое из них управляется особым председателем. Совет управляет всеми делами общества как в ученом, так и в хозяйственном отношении. Члены совета избираются из действительных членов общества на четыре года, которых к 1 января 1896 года состоит 1019, за пятидесятилетний же период в обществе работало более двух тысяч членов. Общество имеет председателя – Великого Князя Николая Михайловича, вице-председателя – сенатора П.П. Семенова, который с 1873 года становится главным руководителем общества и душой каждого предприятия, не исключая работ сибирских отделов.

После Лондонского географического общества (Royal Geographical Society) наше Географическое общество тратит наибольшие суммы сравнительно с другими такими же обществами; одни обыкновенные средства общества достигают ежегодно до 20000 р[ублей], общая же сумма капиталов общества к 1 декабря 1896 года простиралась до 135428 р[ублей] 28 к[опеек]. Капитал образовался из пособия от Государственного казначейства, членских взносов, процентов с неприкосновенного и запасного капиталов и доходов от продажи изданий общества. Но гораздо большие суммы поступают в общество в виде пожертвований на то или иное из специальных ученых предприятий, а также и на издания. Насколько велики эти пожертвования видно, напр[имер], из

того, что только на путешествия в Китае Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина¹, В.И. Роборовского и издание их трудов общество получило около 175 т[ысяч] р[ублей].

Со времени своего основания Императорское Русское географическое общество снарядило целый ряд больших и малых экспедиций и отдельных исследований по самым разнообразным и широким программам.

Урал от северной части Пермской губернии до Ледовитого океана исследован экспедицией, снаряженной уже на второй год существования Географического общества (1847–1850 годы), под начальством профессора минералогии и геологии Э.К. Гофмана, магистра астрономии Ковальского, инженера Стражевского и др. Труды их были изданы (на русском и немецком языкам) в двух томах; в них, кроме обзора путешествий, собраны наблюдения астрономические, магнитные, геологические и палеонтологические, [даны] географические определения мест, описание гор, определение климата, флора, фауна.

В пятидесятых годах чрезвычайно расширилась русская территория в Азии. В 1854 году Н.Н. Муравьев, впоследствии граф Амурский, снарядил в Нерчинске большую флотилию и спустился на ней по Амуру до его устья, и таким образом река с Амурской областью стала русским владением, к которому в 1858 году присоединился Уссурийский край по Пекинскому договору 1860 года. Эти завоевания, стоившие Забайкалью много жертв, в первые же годы существования Географического общества обратили его особое внимание на исследование Восточной Сибири, и в 1850 году было задумано снаряжение большой Сибирской экспедиции. Некоторым приготовлением к этому предприятию общества служила так называемая забайкальская экспедиция, отправленная Главным штабом и работавшая с 1849–1853 годов под начальством полковника Ахтэ. В ней участвовал и астроном Л.Ф. Шварц; сделанные им астрономические определения послужили потом к подробной картографии местностей вокруг Байкала, а путешествие экспедиции между Байкалом и Тихим океаном доставило первые сведения о всей области северных притоков Амура.

В это время Географическое общество снарядило на широких началах так называемую Сибирскую экспедицию, работавшую с 1854 до 1859 года.

В эти пять лет экспедиция под начальством того же Л.Ф. Шварца определила 110 астрономических пунктов; офицерами межевого корпуса Рошковым, Усольцевым и Смирягиным сделано 20 т[ысяч] верст маршрутной съемки, с определением географического положения 254 мест, причем было составлено 50 расспросных карт, собрана масса данных по метеорологии, географии, орографии и гидрографии обширного пространства от границ Томской губернии до острова Сахалина и от верховьев Енисея до предгорий, подходящих к долине Лены и юго-восточной части Забайкалья. Присоединенный к этой же экспедиции натуралист Г.И. Радде с художником Майером (в 1855–1859 годах) произвел обширные естественноисторические исследования на южной границе Восточной Сибири и преимущественно в Забайкалье*. По окончании работ математической экспедиции снаряжена была физическая, работавшая под руководством геолога Ф.Б. Шмидта с 1859 по 1863 год, определившая в общих чертах геологическое строение части Забайкалья, Амура и притоков Буреи и Амгуни, часть Южно-Уссурийского края и о[строва] Сахалина; им были открыты богатые отложения с растительными остатками юрского и третичного периодов на Амуре и на Буреи и изучены меловые и третичные осадки о[строва] Сахалина. В то же время сотрудники Ф.Б. Шмидта: топограф П.П. Глен, прапорщик Шебунин, профессор Гревинг, мичман Пешуров – собрали богатые материалы для [изучения] флоры Амурского края и о[строва] Сахалина, затем – по этнографии населения западной части острова Сахалина**.

* *Radde G. Reisen im Süden von Ost-Sibirien. СПб., 1863. Т. 1–2 (прим. автора).*

** *Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества: Математический отдел Л. Шварца. СПб., 1864; Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества: Физический отдел. Т. 1: О физико-географических исследованиях Ф.Б. Шмидта и П.П. Глена. СПб., 1868; Т. 2: Ботаническая часть Ф.Б. Шмидта. СПб., 1874; Т. 3: Геогностическая часть. Вып. 1: Окаменелости меловой формации с острова Сахалина Ф.Б. Шмидта. СПб., 1873; Т. 3, вып. 2: Юрская флора Иркутской губернии и Амурского края О. Геера. СПб., 1878; Т. 3, вып. 3: Миоценовая флора острова Сахалина О. Геера. СПб., 1886 (прим. автора).*

** При поездке на Амур Ф.Б. Шмидт в конце июня 1859 г. прибыл в Забайкалье; месяц он пробыл в Нерчинске с целью изучить флору окрестностей Нерчинска и части Даурии, где он встретил мало нового, но зато большой интерес представляли исследования вдоль р. Шилки; в окрестностях Сретенска в течение 10 дней он собрал небольшую коллекцию растений местной флоры (прим. автора).*

*** Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества. СПб., 1872. С. 23–24 (прим. автора).*

**** Устаревшее обозначение отрога, горного кряжа.*

***** Имеется в виду «Землеведение Азии», изданное в 1856 г. немецким географом Карлом Риттером, под влиянием которого формировалась и развивалась географическая наука в России.*

Только после этих экспедиций были получены точные сведения о Восточной Сибири, а особенно об Амурском крае*.

Вот какую оценку трудов этой экспедиции делает само Географическое общество**. Благодаря этим трудам, обширное пространство на восток от Байкала представилось в совершенно ином свете. Прежнее преувеличенное представление о Становом хребте утратило свое значение; вместо него, можно сказать, открыт новый хребет, коего горы, достигающие до 5000 ф[утов], отрасли*** и плоскости простираются непрерывно от Байкала до Охотска. Не менее существенные изменения произошли в представлениях о Саянах и Малом Хингане, причем только ряд дальнейших исследований выяснит все громадное значение обширных плоскогорий, открытых к югу от Саян сибирской же экспедицией. Карта г[осподина] Шварца надолго послужит основой будущих картографических работ. Но едва ли еще не важнее то влияние, которое она оказывала, вместе с изданным в 1856 году томом перевода и дополнений Риттеровой Азии****, на изучение новых еще нетронутых пространств Восточной Сибири, Амурской речной области и прилежащих стран; достаточно обратиться к свидетельству путешественников, впервые проникавших

в неведомые части Сибири и пограничных стран, чтобы оценить значение в этом отношении обоих изданий общества.

С 1850-х годов Императорским Русским географическим обществом были предприняты усиленные исследования в Центральной Азии при помощи ряда экспедиций, что продолжается и до настоящего времени; некоторые из сделанных там открытий имеют мировое значение и покрыли славой русскую науку.

В 1867 году штабс-капитан генерального штаба Н.М. Пржевальский проехал через Иркутск и Забайкалье

в Уссурийский край, а оттуда по р. Сунгари к озеру Ханка. После почти трехлетнего изучения края он возвратился в 1870 году в Петербург с большими коллекциями, которые заинтересовали ученых специалистов, а изданная им в том же году книга «Путешествие в Уссурийский край» познакомила публику с отдаленнейшей окраиной России. Приобретая в первом путешествии опытность, Н.М. Пржевальский 17 ноября того же 1870 года по распоряжению Географического общества отправился с офицером Пальцовым, казаком и переводчиком-бурятом, через Кяхту в Пекин, куда прибыл в начале 1871 года. В Калгане была снаряжена экспедиция в Центральную Азию, на неведомую до тех пор Желтую реку, озеро Куку-Нор* и в северный Тибет, в страну тангутов. Путешествие, на 8 верблюдах и с 40 пудами клади, было совершено на очень скромные средства (всего около 9 т[ысяч] р[ублей]); оно продолжалось 2 года 101/2 месяцев, причем было пройдено более 11 т[ысяч] верст, из которых 3500 [верст] снято глазомерно бусолью, составлена карта, 18 пунктов которой определены астрономически, во многих местах определена абсолютная высота, сделаны наблюдения по метеорологии, зоологии и этнографии; кроме того, собрано 238 видов птиц в 1000 экземплярах, 130 шкур млекопитающих 42 видов, около 10 видов пресмыкающихся в 70 экземплярах, 11 видов рыб, более 3000 экз[емпляров] насекомых, до 600 видов растений в 4000 экземплярах и коллекция горных пород**. В обработке собранных материалов, кроме самого автора, принимали участие академик Штраух и профессор Келлер.

12 августа 1876 года Н.М. Пржевальский отправился в новую экспедицию, в Западный Китай, в страну Тарима и Лоб-Нора. На расходы по экспедиции из государственного казначейства было выдано в распоряжение Географического общества 24700 рублей. Экспедиция была снаряжена в Кульдже (тогда еще занятой русскими) из 10 лиц, в числе которых был прапорщик Повало-Швейковский и вольноопределяющийся Эклон.

* Так в тексте,
в дальнейшем озеро
названо Хуху-Нор
или Хухунор.

** Пржевальский Н.М.
Монголия и страна
тангутов. Трехлетнее
путешествие
в Восточной Нагорной
Азии. СПб., 1875–1876.
Т. 1–2 (прим. автора).

С 24 верблюдами и 4 верховыми лошадьми экспедиция двинулась по р. Или, затем через южный склон Тянь-Шаня долиной р. Тарима к озеру Лоб-Нор. Вследствие болезни «зуд тела» Н.М. Пржевальский возвратился для лечения в Зайсанский пост, здесь поправился и снова выступил в путь, но на первом переходе экспедиция была остановлена телеграммой г[осподина] военного министра ввиду обострившихся наших отношений с китайцами по поводу владения Илийским краем. Вторая незаконченная экспедиция, продолжавшаяся всего год и 21/2 месяца и стоившая 19150 руб[лей], описана в кратком отчете*; она дала значительные результаты: пройдено около 4000 верст, из них на протяжении 1200 верст произведена маршрутная съемка, совершенно изменившая карту бассейна Тарима, и, кроме того, сделан ряд астрономических определений широты и долготы, ряд гипсометрических и метеорологических наблюдений и собраны богатые коллекции по зоологии и ботанике.

* Пржевальский Н.М.
От Кульджи
за Тянь-Шань
и на Лоб-Нор. СПб., 1878
(прим. автора).

Третья экспедиция двинулась из Зайсанского поста 21 марта 1879 года с кладью до 200 пудов на 35 верблюдах и 5 верховых лошадях, при участии 13 спутников, из которых главными помощниками Н.М. Пржевальского были прапорщик Ф.Л. Эклон и В.И. Роборовский; она продолжалась год и 7 месяцев и обошлась в 23550 руб[лей]. Пройдя через восточную оконечность Тянь-Шаня, [путешественники] спустились в оазис Хами, лежащий у южной подошвы Тянь-Шаня и населенный по преимуществу земледельцами-сартами. За Хами на юг и юго-восток лежит на 347-й версте Хамийская пустыня, так называемая Мумуньская Гоби; переход через эту пустыню был очень труден. Затем, переваливши через Тянь-Шань, спустились в Цайдам и дошли до северной окраины Тибета, который расстилается за Куэнь-Лунем. Первый хребет, к которому подошли, был Бурхан-Будда, затем следовало еще несколько хребтов-отрогов, в том числе хребет Баян-хора-ула, составляющий водораздел истоков Желтой реки и верхнего течения Голубой. Перейдя затем хребет Тань-ли, экспедиция подверглась нападению еграев

(орда тунгутов, или тибетцев), но удачно отбилась от них; спустившись к р. Сан-Чао, Н.М. Пржевальский с прискорбием узнал от приехавшего тибетского чиновника, а затем посольства, что весь тибетский народ, правитель Номун-хан и сам Далай-лама не желают пустить к себе русских. Таким образом, заветной мечте путешественника проникнуть в Лхассу не удалось осуществиться, и он вернулся через Куку-Нор, верховья Желтой реки, через восточный Нан-Шань, Ала-Шань и средину Гоби в Ургу и Кяхту. Описание его путешествия было издано на Высочайше дарованную в распоряжение Географического общества особую сумму и обошлось почти в 15000 руб[лей]*. Кроме описания хода путешествия, в нем помещены многие физико-географические наблюдения, приведены очерки флоры и фауны, описан быт народов Северного Тибета и т. д. Это путешествие вызвало удивление как у нас, так и за границей; оно обогатило науку и обессмертило имя Н.М. Пржевальского.

Четвертая экспедиция Н.М. Пржевальского имела огромные средства – 43580 р[ублей], выданные Географическому обществу по Высочайшему повелению из государственного казначейства. Всех участников в ней было 21: два помощника, поручик В.И. Роборовский и вольноопределяющийся П.К. Козлов, препаратор урядник Те-лишов, урядник Иринчинов, 7 забайкальских казаков**, 7 нижних чинов, один вольнонаемный служитель и переводчик-таранчинец. Экспедиция выступила из Кяхты 21 октября, а из Урги 8 ноября [1883 года] с 57 верблюдами, 7 верховыми лошадьми и с кладью более 300 пудов. В середине марта караван прибыл к озеру Куку-Нор, а в начале мая [1884 года] к подошве гор Бурхан-Будда, ограждающих со стороны Цайдама нагорье Северного Тибета. Отсюда часть экспедиции отправилась к истокам Желтой реки и далее на юг к Голубой реке. Здесь два раза на караван нападали разбойники тангуты, около 300 человек, но меткими выстрелами из 14 берданок их

* Пржевальский Н.М.
*Третье путешествие
в Центральной Азии.
Из Зайсана через Хами
в Тибет и на верховья
Желтой реки. СПб., 1883
(прим. автора).*

** Одному из них
Н.М. Пржевальский
подарил седло,
на котором ездил
во время трех экспедиций.
Седло это хранится
в Читинском музее
(прим. автора).

разогнали. Не имея возможности перейти Голубую реку, Н.М. Пржевальский решился попытаться пройти в Тибет другим путем с северо-запада. Для этого он пошел вдоль северной подошвы Куэнь-Луня на запад, затем выступил к Лоб-Нору, а от него к юго-западу в оазис Черчен, затем вдоль окраины Тибета, пустыней, в оазис Керию. Желая найти в Керейских горах проход в Тибет, Н.М. Пржевальский предпринял несколько экскурсий для отыскания удобного места для переправы через р. Керию, но напрасно: высокий уровень реки, как и на Желтой, не давал возможности каравану переправиться на другой берег. После этого экспедиция направилась обратно через большой оазис Хотан и двинулась к северу в Аксу, через Тянь-Шань, 29 октября 1885 года перешла русскую границу, а через несколько дней прибыла в г. Каракол, пробыв за пределами России 2 года и 7 дней и пройдя за это время 7325 верст. Результа-

** Пржевальский Н.М.
Четвертое путешествие
по Центральной Азии.
От Кяхты
на истоки Желтой реки,
исследование северной
окраины Тибета
и пути через Лоб-Нор
по бассейну Тарима.
СПб., 1888:
3 карты, 29 фототипий
и 3 полиטיפажа
(прим. автора).*

ты этой экспедиции очень важны для науки, а собранные коллекции обширны и ценны, одних шкурок птиц привезено более 2000 экземпляров. На издание трудов по этому путешествию было истрачено более 25000 руб[лей]; в нем заключается много новых и интересных данных по географии Центральной Азии*.

14 октября 1888 года Н.М. Пржевальский отправился в пятый раз в пустыни Азии с твердым намерением пробраться в глубь Тибета – в Лхассу. Экспедиция была снаряжена Географическим обществом в грандиозных размерах: на нее было отпущено около 80000 руб[лей], участвовало 25 нижних чинов и офицеры В.И. Роборовский и П.К. Козлов. Прибыв на окраину, в г. Каракол Семиреченской области, Н.М. Пржевальский, простудившись еще на пути в окрестностях Пишпека, заболел и 20 октября 1888 года скончался от возвратного тифа. По его желанию, он [был] похоронен на границе, на берегу озера Иссык-Куль, в 13 верстах от города Каракола, который затем был переименован в город Пржевальск.

Сочувствие общества к Н.М. Пржевальскому выразилось в подписке на памятник, которая дала около 30000 руб[лей]; на эти средства не только устроен великолепный памятник, но и увековечена память знаменитого путешественника учреждением особой медали.

По смерти Н.М. Пржевальского начальником снаряженной экспедиции был назначен М.В. Певцов. К числу его сотрудников, по желанию Географического общества, был присоединен геолог, горный инженер К.И. Богданович; конвой экспедиции уменьшен на 13 человек. Вследствие новых назначений и приготовлений экспедиция тронулась в путь из г. Пржевальска только 13 мая 1889 года. В состав ее, кроме М.В. Певцова и трех сотрудников, входили переводчик, препаратер, 12 нижних чинов конвоя, два проводника и несколько погонщиков из киргизов; взято было 88 верблюдов, 22 лошади, 100 овец для продовольствия и 3 сторожевых собаки. Экспедиция отправилась через В[осточный] Туркестан в Тибет, по долине р. Яркенд-Дарьи к Яркенду, затем по хотанской дороге до Каргалыка и повернула на юго-запад, в горы Кузнь-Луня, далее на Хотан, через Чиру и Керию, перешла в селение Нию, где экспедиция зимовала. 1890 год был посвящен исследованию юго-восточной окраины Кашгарской котловины, Кузнь-Луня и прилегавшей к нему на юге полосы Тибетского нагорья; затем экспедиция спустилась с этого нагорья к озеру Лоб-Нору и через Курмю, Карашар, Токсун, Урумчи, Хотубей вышла 3 января 1891 года в Зайсанский пост.

Результаты экспедиции выражаются в следующем: всеми членами экспедиции сделано маршрутной глазомерной съемки около 10250 верст и измерено ртутным барометром, гипсотермометром и anerоидом 335 высот, определена широта и долгота 47 пунктов, причем в 10 из них сделаны еще магнитные наблюдения. Собрано громадное количество сведений географических и этнографических. Геолог К.И. Богданович сделал наблюдения и собрал огромные коллекции горных пород и почв на пространстве 6000 верст. Зоологическая коллекция состоит из 60 видов млекопитающих (200 экземпляров шкур с черепами), 220 видов птиц (около 1200 экз[емпляров]), 11 видов рыб (до 100 экз[емпляров]),

** Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. Ч. 1: Путешествие по Восточному Туркестану, Куэн Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии; Ч. 2: Геологические исследования в Восточном Туркестане К.И. Богдановича; Ч. 3: Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции В.И. Роборовского и П.К. Козлова. Б. м., 1892–1896 (прим. автора).*

20 видов земноводных и пресмыкающихся (до 80 экз[емпляров]) и около 200 видов насекомых. Гербарий экспедиции содержит 700 видов растений (в числе около 7000 экз[емпляров]). Собранные материалы обработаны в обширных трудах экспедиции*.

Еще более важны для науки открытия, сделанные в северо-западной Монголии неутомимым путешественником Г.Н. Потаниным, под начальством которого в 1876–77 годах Географическим обществом была снаряжена экспедиция. Спутниками, кроме его жены Александры Викторовны, принимавшей самое деятельное участие в работах всех экспедиций, были известный ныне ориенталист А.М. Позднеев, натуралист М.М. Березовский и топограф П.А. Рафаилов. Экспедиция посетила Кобдо, Хами, Улясутой, озеро Косогол, монастырь Улангам, и, таким образом, северо-западная Монголия была охвачена как бы кольцом.

Вторая экспедиция в 1879 году была снаряжена в центральную часть северо-западной Монголии для посещения и изучения тех местностей, которых не удалось увидеть во время предшествовавшего путешествия. Выступив из Кош-Агача, на южной границе Томской губернии, экспедиция направилась в монастырь Улингон, далее к озеру Киргиз-Нор, посетила город Кобдо, оттуда вернулась в Улангом, а затем направилась на восток, к озеру Тер-Нор и далее через Дархатский курень к озеру Косогол и местности Мон в долине р. Иркуты. Во время путешествий были сделаны разные естественноисторические наблюдения, собраны богатые коллекции по зоологии, ботанике и геологии, наконец, добыты важные этнографические сведения. Капитальный труд Г.Н. Потанина «Очерки Северо-западной Монголии» (в 4 томах) составляет крупный вклад в этнографию монгольских и тюркских народностей. В 1884–86 годах Географическое общество снарядило под его же начальством новую экспедицию на китайскую восточную окраину нагорной Центральной Азии, в долины

и предгорья обширной северо-западной Ганьсуйской провинции Срединной империи, местность, имеющую большой научный интерес. Сотрудниками Г.Н. Потанина, кроме его жены, были геодезист А.И. Скасси и натуралист М.М. Березовский*. Выйдя из Пекина весной 1884 года, экспедиция употребила все лето на достижение окраины Амдоского нагорья. Летом 1885 года экспедиция выполнила главную свою задачу – исследование в разных направлениях Ганьсуйской окраины Тибетского нагорья. Зимовала экспедиция в знаменитом Гумбумском буддийском монастыре, на самой границе Амдосского нагорья, весной 1886 года была уже на Голубом озере Хуху-Нор, а затем по р. Экзинь-Голу углубилась внутрь Монголии, которую пересекла в меридиане озера Косогол по совершенно неизвестному доселе пути; и, наконец, спустившись по р. Орхону к русской границе, поздней осенью 1886 года достигла Кяхты. Научные результаты этой экспедиции громадны; ее исследования в Центральной Азии разносторонни, тщательно выполнены и могут служить образцом; они известны всему образованному миру и давно по достоинству оценены у нас и за границей**.

Г.Н. Потанин путешествовал без солдат и казаков и везде успешно пробирался даже по глухим дебрям Монголии среди полудиких, иногда враждебно настроенных племен и своим гуманным отношением пробуждал у местного населения симпатии к русскому народу. В 1892 году Потанины со спутниками, в числе которых был и наш забайкалец Б.Р. Рабданов, отправились в четвертую экспедицию в Монголию, именно в мало исследованные местности Восточного Тибета***. Но, к сожалению, этой грандиозной экспедиции не суждено было окончиться так же счастливо, как трем предыдущим: Г.Н. Потанин потерял лучшего своего помощника и друга, свою жену² и осенью 1893 года, не окончив экспедиции, возвратился обратно в Россию.

** Птицы Ганьсуйского путешествия
Г.Н. Потанина
в 1884–1887 гг. /
М. Березовский
и В. Бианки. Б. м., 1891:
3 таблицы раскрашенных
рисунков (прим. автора).*

*** Потанин Г.Н.
Тунгусско-тибетская
окраина Китая
и центральная Монголия.
СПб., 1893. Т. 1–2
(прим. автора).
*** В Читинском
музее есть небольшой
гербарий, собранный
Б.Р. Рабдановым
во время этого
путешествия
по Монголии
(прим. автора).*

Участники той же обширной экспедиции В.И. Роборовский и П.К. Козлов направились в Тибет с запада, исследовали Лук-чун, затем Са-Чжоу у северо-западного угла Нань-Шаня, Лоб-Нора, Хами и т. д.

Экспедиция под начальством В.И. Роборовского начала свои исследования с июля 1893 года, а в конце ноября 1895 года через Зайсан вступила на русскую землю. За это время ею пройдено 16000 верст съемкой, опиравшейся на 30 астрономических пунктов. О колоссальных трудах этой экспедиции лучше всего дают понятие собранные ею коллекции: 360 образцов горных пород, 250 шкур и 30 скелетов зверей, 1200 птиц, 450 гадов и рыб, несколько тысяч насекомых, 1300 видов растений и 300 сортов семян растений, дикорастущих и культурных. Кроме того, все время велись правильные метеорологические наблюдения, а в устроенной В.И. Роборовским и П.К. Козловым метеорологической станции в Лугчунской котловине – наиболее низкой части Азиатского материка – два года производились наблюдения над атмосферным давлением.

В.А. Обручев³, член той же экспедиции, в 1892–94 годах блестяще закончил геологические исследования значительной части Центральной Азии и ее южной окраины. Здесь им [было] пройдено 14 тыс[яч] верст, из которых снято горным компасом около 11 тыс[яч] и исследовано геологически более 12 тысяч. Собранные коллекции горных пород, почв, полезных ископаемых и окаменелостей имеют до 6000 образцов. Грандиознейший из открытых В.А. Обручевым хребтов в центральной горной системе Нань-Шаня, названный именем императора Александра III, вздымает свою убеленную вечным снегом главу на высоту свыше 20 т[ысяч] футов над уровнем океана.

В результате экспедиций В.И. Роборовского, П.К. Козлова и В.А. Обручева получена, между прочим, полная картина горной страны Нань-Шаня в орографическом, естественноисторическом, геологическом и климатическом отношениях. Благодаря сети маршрутов, взаимно пересекающихся, получилась съемка этой обширной области.

Следует еще упомянуть об обширных исследованиях М.М. Березовского на восточной окраине Тибетского нагорья,

в Гань-су и Сычуане. Отправившись из России в сентябре 1891 года, он вернулся с богатой научной добычей в мае 1895 года. Таким образом ко времени пятидесятилетнего юбилея Географического общества было снаряжено несколько грандиозных экспедиций для исследования внутренней Азии и восточной ее окраины со стороны Китая; экспедиции дали огромные научные результаты и обессмертили организовавшее их Географическое общество.

<...> Внутрь России Императорское Русское географическое общество занималось собиранием сведений по этнографии, <...> по отделам физической и математической географии, <...> по исторической географии <...>. Везде, где бы ни проявлялась деятельность общества, она никогда не ограничивается узкой специальной программой, но всегда отвечает на все запросы, которые ставит наука и жизнь. Вот почему деятельность общества имеет такое огромное научное и практическое значение для всей России. При появлении хотя слабых следов научной деятельности, особенно на окраинах нашего обширного отечества, – общество является организатором местных сил. После нескольких лет забот со стороны общества маленький ручеек умственной жизни на отдаленной окраине России, вначале иногда даже пересыхающий, превращается в могучий поток, направляемый умелой рукой в одно русло на пользу науки.

Уже с 1848 года в Императорском Русском географическом обществе возникла мысль об устройстве в разных местах империи отделов для объединения местных научных сил и направления их деятельности ввиду более широкого изучения России и сопредельных с нею стран. С 50-х годов общество начало осуществлять свои мечты. В 1850 году основан в Тифлисе Кавказский отдел, в 1851 году – Восточно-Сибирский в Иркутске и Северо-Западный в Вильно, в 1868 году – Оренбургский в Оренбурге, в 1873 году – Юго-Западный в Киеве, в 1877 году – Западно-Сибирский в Омске и в 1894 году – Приамурский в Хабаровске с отделениями в Чите и Троицкосавске. <...>

Я не буду останавливаться на рассмотрении деятельности отделов Кавказского, Оренбургского, Западно-Сибирского

и перейду прямо к Восточно-Сибирскому отделу, основанному 6 июня 1851 года и открывшему свою деятельность 17 ноября того же года в г. Иркутске, по приглашению и под председательством генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, который проявлял большой интерес к географическим исследованиям в Сибири. Сибирский отдел был организован частью из членов центрального Географического общества, людей, служивших в Иркутске, и частью из местных любителей.

История этого отдела особенно поучительна для нас, так как он самый отдаленный от умственных центров и самый близкий к нам. Сибирский отдел в течение четверти столетия был единственным ученым учреждением для всей обширной Сибири; с основанием (в 1877 году) Западно-Сибирского отдела он стал называться Восточным. По Положению об учреждении Сибирского отдела, а затем по Уставу ему присвоены все права центрального общества, с теми же четырьмя отделениями: географии математической, географии физической, этнографии и статистики. Но при самом основании отдела программа деятельности его была расширена: при исследовании гор Восточной Сибири [было] предложено описывать их в «геологическом и вообще физическом отношении»; вменено также в обязанность заботиться об учреждении хранилищ материалов для ученых исследований: библиотеки, «депо местных карт», статистического архива и этнографического музея. По Положению делами Восточно-Сибирского отдела управляли председатель и правитель дел. Через несколько лет (в 1863 году) ввиду расширения деятельности оказалось необходимым организовать распорядительный комитет для управления делами отдела и редакционную комиссию, для чего и были изданы соответствующие правила.

Первым ученым предприятием Сибирского отдела была Вилуйская экспедиция (с марта 1854 по март 1855 года), снаряженная на средства (1000 р[ублей]), пожертвованные золотопромышленником С.Ф. Соловьевым, под начальством натуралиста, учителя иркутской гимназии Р.К. Маака, при участии топографа, прапорщика Зонтагена и препаратора отдела Фурмана. Экспедиция должна была исследовать

долину р. Вилюя, в особенности же верховья ее, богатые солью и цветными камнями*, затем вообще Вилюйский край мало известный, никем не исследованный.

Несмотря на неимоверные трудности и лишения, которые пришлось преодолевать экспедиции, результаты, ею добытые, громадны: съемка пройденной местности, карта Вилюйского края, коллекции по геологии, минералогии и этнографии, исследование климата, естественноисторических особенностей страны, ее флора, фауна. Обширный труд «Вилюйский округ Якутской области» появился лишь через тридцать лет после начала экспедиции**.

* Так в тексте,
правильно – камнями.

** Маак Р. Вилюйский
округ Якутской области.
СПб., 1883–1887. Ч. 1–3
(прим. автора).

В 1855 году была снаряжена Амурская экспедиция, для осуществления которой С.Ф. Соловьев предложил полпузда золота. Путешествие, под начальством Р.К. Маака, при участии Герфельда, Кочетова, Зонтгагена и Фурмана, продолжалось с апреля 1855 по январь 1856 года. Экспедицией было собрано очень много интересных данных о новом, совершенно еще неизвестном тогда крае и издано описание: «Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела в 1855 г. Р. Мааком» (СПб., 1859): большой том с отдельным собранием рисунков карт и планов.

В феврале 1859 года снаряжена новая Уссурийская экспедиция под начальством того же Р.К. Маака, причем этнографические исследования принял на себя действительный чл[ен] А. Брылкин, собравший материалы для словаря местных инородцев-ходзенов. О собранных географических данных края, о флоре и фауне сообщено в книге «Путешествие по долине реки Уссури / совершил по поручению Сибирского отдела Р. Маак» (СПб., 1862. Т. 1–2: рис. и карты края).

В 1865 году (с 18 мая по 1 ноября) Сибирским отделом была снаряжена Витимская экспедиция под начальством И.А. Лопатина, труды которого изданы только через 30 лет***. В верховьях притоков Витима, в пределах Баргузинского округа, было пройдено около

*** Лопатин И.А.
Дневник Витимской
экспедиции 1865 г.,
обработанный
Б.К. Поленовым // Записки Императорского
Русского географического
общества. СПб., 1895.
Т. 28, № 1 (прим. автора).

* *Дневник Туруханской экспедиции*
И.А. Лопатина / под редакцией
И.В. Мушкетова // *Записки*
Императорского Русского географического
общества по общей географии. СПб., 1895.
Т. 28, № 2 (прим. автора).

** Иван Семенович Поляков (1846–1887), уроженец Забайкальской области, аргунский казак из бедной простой семьи; первоначально он получил только низшее икольное образование, но не переставал заниматься, когда был уже и взрослым. Почти без средств он странствовал по Забайкалью, собирал коллекции, вел дневники. Двадцатилетним юношей как любитель он был приглашен Крапоткиным присоединиться к Олекминско-Витимской экспедиции в качестве зоолога. Отчет о его исследованиях напечатан через 7 лет в указанных ниже трудах этой экспедиции. После экспедиции, решившись добиться высшего образования, он занимался сначала в Иркутске под руководством М.В. Загоскина, затем в Петербурге; с замечательной силой воли преодолел все трудности и поступил в университет вольнослушателем, через два года выдержал экзамен на аттестат зрелости и зачислен студентом. Он жил бедняком, существовал уроками, но несмотря на это, окончил блестящим образом курс по естественному факультету, затем получил степень магистра зоологии и сделался хранителем Зоологического музея Академии наук. С 1868 г. он предпринял целый ряд экспедиций и ученых исследований в России и в прибайкальских странах Сибири; с 1881 до 1884 г. изучал о. Сахалин, берега Восточного океана и Амур; занимался зоографией, этнографией и геологией, но особенно его интересовала археология доисторическая, остатки каменного века, которые он разыскивал в Сибири, на Сахалине, в Олонецкой губернии, в долине Оки, в верховьях Волги и т. д. И.С. Поляков умер в Петербурге в апреле 1887 г., около 40 лет от роду (прим. автора).

2000 верст, причем была сделана глазомерная съемка пути, собраны коллекции горных пород (1310 номеров) и составлен дневник геологических наблюдений, а также журнал метеорологических наблюдений. Сибирским отделом географического общества [было] израсходовано на эту экспедицию 1282 р[убля].

Кроме того, была снаряжена (в 1866 году) Туруханская экспедиция на средства енисейских золотопромышленников, при участии И.А. Лопатина и А.П. Щапова*; в изыскании принимал участие и Ф.В. Шмидт, ездивший по поручению Академии наук отыскивать труп мамонта (отыскал только неполный скелет) в тундрах между устьями р. Енисея и Оби. Обширные материалы по геологии, флоре и фауне были собраны Лопатиным, а этнографические – Щаповым; к сожалению, материалы последнего погибли вместе со зданием отдела во время [иркутского] пожара 1879 года. Затем Олекминско-Витимская экспедиция (в 1866 году) с участием П.А. Крапоткина и И.С. Полякова была исполнена на счет олекминских золотопромышленников для отыскания скотопронного пути из Нерчинского округа в Олекминский**;

при этих изысканиях были собраны обширные материалы по картографии, геогнозии, ботанике и зоологии***.

В 1868–1870 годах снаряжена экспедиция в Чукотский край под начальством барона Г.Л. Майделя; К.К. Нейману было поручено производить астрономические и магнитные наблюдения, топографу П. Афонасьеву – съемки маршрутов, Н. Антоновичу – собирание естественноисторических коллекций; к экспедиции было прикомандировано пять конвойных казаков; описание путешествия появилось только через 25 лет*. <...>

Особенно важное значение имеют строго научные труды ссыльных поляков В.И. Дыбовского и В. Годлевского, Н.И. Витковского, А.Л. Чекановского и И.Д. Черского. Из них В.И. Дыбовский и В. Годлевский, кроме работ по зоогеографии В[осточной] Сибири, занимались исследованиями Байкала, впервые произвели ряд систематических промеров глубины озера и выработали для этого самостоятельный метод исследования. Н.И. Витковский работал по археологии и антропологии. Г[оспода] Чекановский и Черский произвели целый ряд обширных геологических и палеонтологических исследований, преимущественно в прибайкальских странах**. Исследования этих геологов дали твердое основание для последующих работ в той же области.

Невольно приходится удивляться, как можно было достигнуть таких громадных результатов при отсутствии средств и при крайне неблагоприятных внешних условиях. Следует также упомянуть о важных исследованиях П.А. Ровинского и А.П. Щапова в области этнографии, Н.М. Ядринцева, сделавшего выдающиеся археологические открытия по р. Орхону, о целом ряде капитальных геологических исследований В.А. Обручева. <...>

*** (к с. 170) *Записки по общей географии (по отделениям географии физической и математической) / под ред. П. Крапоткина. Т. 3: Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопрогонного пути из Нерчинского округа в Олекминский, снаряженной в 1866 г. олекминскими золотопромышленниками при содействии Сибирского отдела Географического общества, П. Крапоткина и И. Полякова. СПб., 1873 (прим. автора).*

* *Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. барона Гергарда Майделя // Приложение к 74 тому Записок Императорской Академии наук. СПб., 1894. № 3 (прим. автора).*

** *Черский И.Д. Отчет о геологическом исследовании береговой полосы озера Байкала, произведенном по поручению Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск. 1886; Он же. О результатах исследования озера Байкала. Краткий объяснительный текст к «Геологической карте береговой полосы озера Байкала», составленной на основании исследований 1877–1880 гг. СПб., 1886 (прим. автора).*

Экспедиции и исследования отдела совершались, конечно, не на обыкновенные средства отдела, т. е. 2 тысячи руб[лей], (общий итог годового дохода около 13 тыс[яч] руб[лей]), ассигнуемые ежегодно, а на пожертвования. В отделе есть и капиталы, пожертвованные со специальным назначением, как, напр[имер], капитал для исследования быта бурят, собранный более просвещенными ламами и бурятами.

Результатами обработки собираемых экспедициями и отдельными исследователями коллекций, материалов и вообще ученой деятельности отдела Географического общества служат его издания. В первый же год существования отдела было прислано до 40 статей географического и иного содержания, а к 1862 году их накопилось до 250; в первый же год явилась и мысль об издании трудов отдела. Сначала принятые статьи отдел посылал для печатания в центральное Географическое общество, но вследствие обилия материалов и затруднений печатать их в Петербурге совет Императорского Русского географического общества в 1854 году предложил отделу основать свой печатный орган. Известный деятель В.А. Милютин составил план издания «Записок Сибирского отдела», который был принят единогласно. Только через 5 лет после основания отдела, согласно выработанной программе, вышла первая книжка под заглавием: «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», отпечатанная в Петербурге, с 6-го же тома «Записки» начали печатать в Иркутске. С этого времени деятельность отдела быстро расширяется и с каждым годом становится все более и более плодотворной. В последующие 40 лет издано 11 книг «Записок Сибирского отдела» (по 1894 год). С 1870 года отдел начал издавать, кроме «Записок», еще «Известия Сибирского отдела», которых по 1878 год вышло 30 книг; с 1878 года это издание продолжало выходить под именем «Известий Восточно-Сибирского отдела», и по настоящее время «Известий» издано 55 томов. Кроме того, отделом издано много интересных карт, и еще более их хранится в архиве.

В перечисленных повременных изданиях помещен целый ряд описаний отдельных местностей Сибири

и сопредельных стран, исследований по климатологии, метеорологии, геологии, палеонтологии, описания месторождений полезных ископаемых, статьи по горному промыслу, работы по зоогеографии, зоологии, ботанике, сельскому хозяйству, почвоведению, статистике, промышленности, истории, этнографии, археологии и языкознанию. «Записки Восточно-Сибирского отдела» заключают капитальные труды по общей географии, статистике, этнографии. Затем изданы описания путешествий, совершенных экспедициями отдела, программы по этнографии и ботанике, каталоги и описания выставок сельскохозяйственной и этнографической. <...>

Теперь сообщим о вспомогательных учреждениях Восточно-Сибирского отдела – о музее и библиотеке. Но прежде скажем несколько слов о любопытном книгохранилище и коллекциях, собранных в Иркутске еще в половине прошлого столетия; может быть, они послужили основанием для Музея естественных предметов, учрежденного в Иркутске почти через 100 лет. В открытую в Иркутске в 1781 году «Гражданскую школу» было перенесено «гражданское книгохранилище», основанное бывшим иркутским губернатором Ф.Н. Кличкой⁴. Благодаря заботам генерал-губернатора И.А. Пиля книгохранилище пополнилось пособием от казны и частными пожертвованиями; для него было построено особое здание, в котором, кроме книг, поместили физические инструменты, модели фабрик, судов и пр., а также «собрание естественных произведений, особливо свойственных сему краю». В 1792 году училищный кабинет получил приращение минералов, собранных маркшейдером Губановым в барнаульских рудниках. В 1804 году коллекции пополнились приобретением «натурального кабинета, оставшегося в Иркутске по смерти академика Лаксмана», состоявшего из 300 штук минералов и 860 раковин. По Высочайшему соизволению за коллекции г[осподина] Лаксмана было уплачено 3500 руб[лей]. В следующем году с открытием Иркутской губернской гимназии коллекции поступили в ведение последней, причем учреждение это было названо музеем*.

** Название это, получившее теперь у нас право гражданства в России, кажется, в первый раз появилось в Иркутске, по крайней мере, коллекция Академии наук около полу столетия после этого носила еще название Кунсткамеры (прим. автора).*

В 1816 году некоторые любители учености из здешних чиновников представили 500 руб[лей] на украшение гимназического музея, а на пополнение физических инструментов купец В.И. Патюков пожертвовал 1 тыс[ячу] руб[лей].

В 1824 году музей имел: 1. Минеральный кабинет из 1135 штучек местных ископаемых; 2. Раковинный кабинет из 950 раковин Восточного и Южного океанов; 3. Библиотеку, имевшую более 1000 сочинений на разных европейских языках и большое собрание книг на китайском, маньчжурском, монгольском, японском и татарском языках; 4. Собрание ландкарт, планов, эстампов, математических и физических инструментов, моделей, редкостей с островов

Восточного океана, состоящих в естественных произведениях, одежде и разных орудиях, употребительных у тамошних народов*.

* Мартос А.
Письма о Восточной
Сибири. М., 1827. С. 173
и др. (прим. автора).

Учреждению отдела Географического общества в Иркутске предшествовало основание

Музея естественных предметов при главном управлении Восточной Сибири, по предложению министра внутренних дел. Распорядителем музея был избран инспектор Иркутской губернской гимназии В.И. Седаков, который деятельно трудился над созданием музея, составлением руководства для собирания, препарирования, хранения

** Очерк 25-летней
деятельности Сибирского
отдела Императорского
Русского географического
общества. Иркутск, 1876.
С. 4 (прим. автора).

и пересылки предметов; он входил в сношения с разными лицами во всех уголках Сибири**. В 1850 году, за год до основания отдела, в музее было собрано до 650 предметов. Только с 1854 года этот музей вполне сделался музеем Сибирского отдела; в этом году в него поступило первое пожертвование

медных, железных и эмалированных древних вещей, найденных в Минусинском округе.

Несмотря на то, что музей Сибирского отдела имел сначала специальную этнографическую программу, он, благодаря жертвователям, работам экспедиций и отдельных исследователей, быстро наполнялся коллекциями по естествознанию, палеонтологии, антропологии, этнографии, археологии и т. п.

К величайшему сожалению, пожар, бывший в Иркутске в 1879 году, уничтожил старый дом и хранившиеся в нем коллекции, книги, рукописи, карты, собранные в течение первых 25 лет с огромной затратой труда, энергии и средств; сгорели также и все здания отдела. Но в том же году снова началась кипучая деятельность по сбору коллекций, книг и денежных пожертвований на постройку здания для музея. Новое величественное каменное здание отдела, служащее лучшим украшением г. Иркутска, быстро переполнилось коллекциями, так что в 1890–92 годах к музею на новые пожертвования пристроено несколько обширных залов, а председателем отдела Географического общества В.П. Сукачевым подарен отделу купленный им за 4 тыс[ячи] руб[лей] соседний участок земли. В настоящее время в коллекциях музея числится около 25 тыс[яч] предметов.

В начале существования отдела рост библиотеки шел очень медленно, как и рост музея. В первый год она имела всего 39 книг, брошюр и периодических изданий; по отчету за второй год (с 21 мая 1852 года по 21 мая 1853 года) в библиотеке числилось 164 книги и карты; за третий год (1853–54) книг значится 742*. С началом издательской деятельности отдела, которая, как сказано выше, быстро расширялась, библиотека начала обогащаться специальными сочинениями. Несмотря на пожар, истребивший драгоценное книгохранилище, собранное в первые двадцать пять лет существования отдела, теперь специальная библиотека имеет более 15 тыс[яч] томов книг и карт.

** Записки Сибирского
отдела. СПб., 1856.
Кн. 1–2 (прим. автора).*

Чтобы иметь полное представление о значении для края Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, необходимо указать еще на его огромное культурное влияние, проникавшее в течение 45-летнего существования отдела в самые отдаленные уголки Сибири, на его помощь, оказываемую всем, даже слабым попыткам научения края, на его активное содействие при основании ученых обществ, музеев и библиотек.

Существующие ныне в Сибири местные музеи, основание которых находится в несомненной связи с деятельностью

Географического общества и его отделов, конечно, лишь до известной степени удовлетворяют указанным выше требованиям. Музеев этих насчитывается более 20: в Екатеринбурге (1869 год), Ирбите, Тюмени, Ташкенте, Тобольске (14 октября 1890 года), Омске, Барнауле, Томске, Ачинске, Енисейске (1877 год), Иркутске (1851), Троицкосавске (13 декабря 1887 года), Чите (1894), Нерчинске (1886), Благовещенске (1891), Якутске (1890), Хабаровске (1894), Владивостоке (1884) и на о[строве] Сахалин (1895). Во всех этих музеях уже хранится около 200 тыс[яч] предметов. В некоторых из перечисленных городов имеется по два музея, как, напр[имер], в Красноярске и Иркутске. Некоторые из них достигли замечательного развития, как, напр[имер], Минусинский музей (до 45 тыс[яч] предметов и более 22 тыс[яч] томов книг), в который нередко приезжают работать ученые из других стран. Он известен всему образованному миру и составляет гордость не только Сибири, но и всей России.

Беглый очерк 45-летней деятельности Восточно-Сибирского отдела служит лучшим доказательством того, что и в глухих местах, отдаленных от университетов и других центров умственной деятельности, ученое общество со скромными задачами может не только существовать, но и совершать громадную культурную работу, пользуясь уважением как среди всех слоев местного общества, так и среди ученых. Причина успеха и влияния отдела заключается в том, что деятельность его никогда не замыкалась в одну программу географии в узком смысле этого слова, а постепенно расширяла свои задачи, идя в уровень с прогрессом науки и потребностями жизни. Притом двери этого храма науки, как и страницы его изданий, всегда открыты не только для ученых специалистов, но и для скромных любителей из всех слоев общества, каково бы ни было их социальное положение; каждый из работников несет бескорыстно свой труд в общую сокровищницу знаний о Сибири.

К приезду нового генерал-губернатора С.М. Духовского на огромном пространстве Приамурского края из учреждений, имеющих большее или меньшее отношение к культурной работе, функционировало Общество изучения

Амурского края (с 1884 года) во Владивостоке, работавшее на пользу окраины уже 10 лет, с музеем и библиотекой; музей с библиотекой в Нерчинске, существовавший 7 лет; музей в Троицкосавске, официально не открытый; [собирались] коллекции в Хабаровске, Благовещенске и Чите, пригодные для музеев*.

Эти учреждения не были ничем объединены, и работа их не была систематизирована. Такое положение дела не могло удовлетворить столь просвещенного администратора, как С.М. Духовской. Плодотворная 45-летняя деятельность Восточно-Сибирского отдела ясно указывала, в каком направлении искать помощи для всестороннего изучения обширного края. 14 окт[ября] 1893 года С.М. Духовским была послана первая депеша вице-председателю Императорского Русского географического общества, сенатору П.П. Семенову, о необходимости учредить Приамурский отдел Географического общества. 20 ноября в заседании совета Географического общества в Петербурге под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича, был принципиально решен вопрос об основании Приамурского отдела. На это с небывалой у нас быстротой последовало формальное разрешение. Уже 2 мая 1894 года состоялось Высочайшее утверждение мнения Государственного совета об основании в составе Императорского Русского географического общества особого отдела – Приамурского. А 14 мая г[осподином] министром внутренних дел утверждено Положение о Приамурском отделе, с ежегодной субсидией в 2 тыс[ячи] руб[лей]; кроме того, выдано единовременно пособие в 10 тыс[яч] руб[лей] на первоначальное обзаведение. 19 мая последовало Высочайшее соизволение на принятие Его Императорским Высочеством Великим Князем Александром Михайловичем Приамурского отдела под свое покровительство. В то же время Общество изучения Амурского края во Владивостоке присоединилось к Приамурскому отделу; при этом за обществом был сохранен старый устав, ввиду его десятилетней полезной ученой деятельности.

* Губернатор М.П. Хороших, собравший несколько коллекций, 31 октября 1889 г. в заседании областного статистического комитета в Чите делал попытку поставить вопрос об основании в Чите музея, но безуспешно (прим. автора).

Сообразно с требованиями времени, Положением о Приамурском отделе права и круг его деятельности – сравнительно с правами других отделов – значительно расширены. К предметам занятий отдела, кроме изучения края в географическом, этнографическом и статистическом отношениях, присоединяется изучение и в естественноисторическом отношении, а также включено в программу изучение Китая и Японии. Вменено в обязанность заботиться о собирании и хранении ученых пособий, а также об устройстве и поддержании местного музея естественноисторических и этнографических предметов. Но самое главное отличие Приамурского отдела от других отделов заключается в том, что ему дано в законодательном порядке право, с разрешения г[осподина] Приамурского генерал-губернатора, образовывать местные отделения, которые пользуются всеми правами отдела и составляют нераздельную часть его. 30 янв[аря] 1894 года в Хабаровске генерал-губернатор пригласил к себе всех лиц, желавших быть учредителями Приамурского отдела. 10 апреля [1894 года] было первое собрание членов для выборов администрации. Для управления делами отдела временно был выбран комитет, а по утверждении Положения – совет, который, по § 74 Устава, «управляет всеми делами общества как в ученом, так и в хозяйственном отношении». Генерал-губернатор С.М. Духовской избран покровителем отдела, а председателем – помощник генерал-губернатора Н.И. Гродеков, известный своими обширными научными трудами. Затем ввиду быстрого роста библиотеки и музея уже 9 ноября 1894 года Положение о Приамурском отделе было дополнено новыми параграфами: о правах и обязанностях совета, редакционной комиссии, о порядке выборов, числе и сроке службы должностных лиц, причем библиотека и музей во главе с директорами поставлены независимо, с ответственностью перед советом и членами отдела.

Учреждение Приамурского отдела вызвало в русском интеллигентном обществе небывалое сочувствие. Обогащение библиотеки отдела началось знаменательным пожертвованием книг Его Императорского Высочества наследника-цесаревича, ныне благополучно царствующего

государя-императора Николая II и пожертвованием Великой княгиней Александрой Иосифовной замечательной библиотеки в Бозе почившего Великого князя Константина Николаевича, бывшего почти полвека председателем Императорского Русского географического общества с самого его основания. Затем поступили щедрые и ценные приношения от разных высокопоставленных лиц, общественных и ученых учреждений, а также частных лиц. В настоящее время библиотека отдела, как фундаментальная, так и публичная, имеет до 20 т[ысяч] томов. Хабаровская публичная библиотека удостоена 6 декабря 1894 года Высочайшего соизволения на присвоение ей наименования Николаевской.

Музей Приамурского отдела также быстро наполнился коллекциями благодаря неутомимым трудам одного из деятельных членов-основателей общества и первого директора музея В.Н. Радакова. Для музея и библиотеки в Хабаровске уже выстроено обширное каменное здание на средства, частью ассигнованные Правительством, частью пожертвованные местными жителями.

Приамурским отделом в короткий срок снаряжено несколько экскурсий с научной целью, из которых назовем наиболее выдающуюся, организованную по инициативе покровителя отдела, для исследований между озером Ханка и Тихим океаном при помощи охотничьих команд. Имеет также очень важное значение экспедиция, снаряженная (с 27 апреля по 4 декабря 1894 года) под начальством полковника И.И. Стрельбицкого и хорунжего В.Я. Гусева, прошедшая при самых неблагоприятных условиях по Халхе, Большому Хингану и Маньчжурии прямой дорогой из Урги во Владивосток. В настоящее время делаются приготовления к снаряжению обширной экспедиции для исследования Хингана, на которую предполагают затратить до 10 тыс[яч] рублей.

Деятельность отдела по изданиям также энергична: кроме печатаемых журналов совета и протоколов общих собраний, уже издано (по 1896 год) 2 выпуска «Трудов отдела», в которых напечатано несколько интересных статей, касающихся как Приамурья, так и Маньчжурии, и 1 том «Записок» (напечатанный в Петербурге) – «Некоторые данные

** В течение 1896 г.*

*Приамурским отделом
изданы следующие
выпуски «Записок»:*

т. 1, вып. 2:

Шимкевич П.П.

*Материалы для изучения
шаманства и гольдов;*

т. 1, вып. 3: Иванов Д.В.

*Основные черты
орогеографического
строения хребта*

Сихотэ-Алинь;

т. 1, вып. 4: Ювачев И.П.

*Свод метеорологических
наблюдений*

в с. Рыковском

на о. Сахалине;

Кирилов Н.А.

Дацаны в Забайкалье;

Колбасенко И.С.

Рождаемость

и смертность

*населения г. Хабаровска
с 1858 по 1895 г.;*

Стрельбицкий И.И.

*Отчет о путешествии
по Маньчжурии в 1894 г.*

Т. 2, вып. 1: Омурьев А.В.

*Общий очерк Анадырской
округи, ее экономического
состояния и быта*

населения;

т. 2, вып. 2: Крюков Н.А.

Опыт описания

землепользования

у крестьян переселенцев

*Амурской и Приморской
областей (прим. автора).*

о положении рыболовства в Приамурском крае»*. Но самыми главными делами Приамурского отдела можно считать основание в Забайкальской области двух отделений: Троицкосавского, открытого 13 июля 1894 года в Троицкосавске, и 10 июля того же года Читинского отделения – в Чите. Оба отделения возникли главным образом благодаря энергичным хлопотам и переговорам на месте известного зоолога В.Н. Радакова.

Читинское отделение было торжественно открыто в Атамановском доме⁵ Его Высокопревосходительством г[осподином] генерал-губернатором Сергеем Михайловичем Духовским в собрании членов-учредителей и представителей города. Выслушав записку о необходимости открыть в Чите отделение Географического общества, Его Высокопревосходительство одобрил программу, разрешил начать деятельность отделения и принял звание покровителя его.

Первое общее собрание членов-учредителей Читинского отделения, для выбора должностных лиц, состоялось 8 августа 1894 года. Со времени своего основания по 1 января 1896 года деятельность Читинского отделения выражается в следующем: библиотека имеет 4095 томов, в числе которых считаются недавно присланные 392 тома дубликатов книг из хабаровской Николаевской публичной

библиотеки. Кроме того, Его Величеству [Николаю II] благоугодно было прислать для публичной библиотеки 2062 тома книг и 42 гравюры. 16 апреля 1895 года состоялось торжественное открытие музея и библиотеки. Из прочитанного тогда отчета о деятельности отделения за первые 5 месяцев видно, что по 1 января 1895 года в музее значилось 2495 предметов; в течение 1895 года их поступило 10764, так что всего по 1 января 1896 года зарегистрировано и хранится

в областном музее Читинского отделения 13259 предметов. Для пополнения коллекций музея директором Читинского музея была предпринята в течение 1895 года экскурсия по низовьям рек Ингоды и Онона – в дополнение к ранее предпринятым исследованиям в вершинах тех же рек – причем были осмотрены оловянные рудники по р. Онону, а также Агинская степь и собраны довольно ценные коллекции, особенно археологические. Петрографическая коллекция имеет большое научное значение благодаря тому, что она собрана под руководством одного из членов Забайкальской горной партии, горного инженера А.П. Герасимова, при совместном с ним путешествии.

Отделение, сознавая всю важность пробудившегося интереса к Маньчжурии, благодаря любезному согласию князя Г.З. Андроникова, начальника партии по железнодорожным изысканиям в Маньчжурии (отправившейся в 1896 году из Цурухайтуя), имело возможность присоединить к партии коллектора К.Д. Логиновского, а других членов экспедиции просить о собирании разных сведений*.

** Результаты исследований одного из членов экспедиции, В.Я. Гусева, помещены в настоящем выпуске «Записок» (прим. автора).*

Кроме циркулярных писем об открытии отделения, приглашений к пожертвованиям, списков пожертвований, нашим отделением напечатан доклад по изысканиям железной дороги в Забайкалье, сделанный в общем собрании начальником экспедиции инженером Г.В. Адриановым; затем напечатан реферат профессора С.И. Залесского «К бальнеохимии Забайкалья» и его же «Программа исследований минеральных источников Забайкалья» и «Краткая инструкция к программе исследования минеральных вод». С возникновением отделения была признана необходимость собирать материалы по исследованию Забайкалья; таких материалов накопилось достаточно, и в конце года советом было решено приступить к изданию «Записок отделения», первая книжка которых готовится к печати.

Забайкалье исследовано до сих пор менее других частей [Российской] империи отчасти вследствие отдаленности от центров просвещения. На этом поприще не только для нас,

с нашими слабыми силами, но и для последующих поколений, которые будут вооружены большей опытностью и знаниями, предстоят обширные труды.

Будем надеяться, что с проведением железной дороги Забайкальскую область будут чаще посещать как отдельные ученые, так и целые экспедиции; будем надеяться, что в Сибири будут устраиваться сперва съезды местных работников, а затем и конгрессы специалистов... Будем надеяться... А до тех пор под высоко поднятым могучим знаменем Императорского Русского географического общества употребим все силы на полезную работу для дорогого нам Забайкалья.

Публ. по: Кузнецов А.К. Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетней деятельности Императорского Русского географического общества в торжественном собрании Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, 21 января 1896 г. // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Чита, 1897. Вып. 2. С. 120–158.

КОММЕНТАРИИ*

* Сост. по:
Литературное
наследство Сибири.
Т. 7: Григорий
Николаевич Потанин /
гл. ред. Н.Н. Яновский.
Новосибирск, 1986.
342 с.; [Гагарин А.В.]
Профессора Томского
политехнического
университета:
биографический
справочник. Томск,
2000. Т. 1. 300 с.;
Дмитриенко Н.М.,
Черняк Э.И. Вклад
Г.Н. Потанина
в музейное дело Сибири
// Вестник Томского
государственного
университета. Томск,
2016. № 404. С. 67-76.

¹ Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), виднейший исследователь Северной и Центральной Азии, пополнял собранными им во время экспедиций материалами фонды музеев Петербурга, Минусинска, Омска, Томска, Кяхты. В 1887–1890 гг., избранный на должность правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, возглавлял Иркутский музей, наладил в нем научно-фондовую и экспозиционную работу.

² Александра Викторовна Потанина, урожденная Лаврская (1845–1893), сопровождала Г.Н. Потанина в его научных экспедициях, занималась составлением гербария, собирала и публиковала этнографические материалы. Ее научные труды, удостоенные серебряной медали Императорского Русского географического общества, были изданы посмертно (см.: Путешествие по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895). Скончалась во время второй экспедиции Г.Н. Потанина по Китаю на пути

в Чунцин, прах ее был доставлен в Кяхту и погребен в феврале 1894 г. Именем Александры Потаниной назван один из ледников Монгольского Алтая.

³ Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956), геолог, профессор, академик АН СССР (с 1929 г.). Как организатор и первый декан горного отделения Томского технологического института он активно содействовал созданию в институте геологического, палеонтологического и минералогического кабинетов (музеев), которые работают и в наши дни.

⁴ Франц Николаевич Кличка, уроженец Чехии, служил в Русской армии, вышел в отставку в чине генерала и в 1778 г. получил назначение на пост губернатора Иркутской губернии. В 1782 г. инициировал создание в Иркутске первой публичной библиотеки, своими дарами основал в библиотеке музейное хранилище, доступное для обозрения всем жителям Иркутской губернии. Сам составил опись музейных предметов и разработал Правила пользования библиотекой и музейными коллекциями.

⁵ Атамановский дом – дом наказного атамана Забайкальского казачьего войска, военного губернатора Забайкальской области, расположенный на главной площади города, рядом с построенным в 1899 г. железнодорожным вокзалом (сгорел в 1900-х гг.).